

Виктория Шалдова

Рига, Латвия

Виталий Ращевский

Даугавпилс, Латвия

СВЯЗЬ ОСОБЕННОСТЕЙ УРБАНИСТИЧЕСКОЙ СРЕДЫ С СОДЕРЖАНИЕМ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ О ХОЛОКОСТЕ У ЖИТЕЛЕЙ ЛАТВИИ

Историческая и коллективная память — важнейший компонент процессов формирования государства и нации. Существует значительный корпус литературы о значимости исторического нарратива для построения идентичности и достижения социального согласия¹. Имеется множество исследований, утверждающих, что коллективная память о рабстве сформировала сегодняшние межрасовые отношения в США².

Недавние события проявляются в коллективной памяти значительно чаще, чем те, что произошли в давние времена. В большом исследовании Лиу и коллег³, проведенном в 12 странах Европы, Азии и Южной Америки, говорится, что самым важным событием в мировой истории считается Вторая мировая война, самой значимой личностью — Гитлер, а подавляющее большинство упомянутых людей и событий относится к периоду в сто лет, т. е. принадлежат к современности, и их могут помнить родители и прародители испытуемых студентов.

Морис Хальбвакс вводит понятие «коллективная память». По его мнению, она не имеет ничего общего с историческими фактами и зачастую находится в оппозиции к ним. Для понимания исторической правды необходимо увидеть весь комплекс событий, посмотреть с разных точек зрения и принять противоречия. Коллективная же память имеет тенденцию упрощать события, принимать во внимание одну точку зрения и не признавать другие. Коллективная память не принимает в расчет хронологию и время, она интерполирует события и оправдывает существование групп и их различный статус. По Хальбваксу⁴, коллективная память — это реконструкция событий прошлого при помощи данных и фактов настоящего, основанная на свидетельствах и историях очевидцев. Хальбвакс проводит различие между исторической и социальной памятью. Социальная память — это память о лично увиденных событиях, форма группового опыта. В случае Холокоста коллективная память имеет отношение только к поколению переживших. С другой стороны, историческая память — это искусственно созданное образование, представленное в книгах, фильмах и системе образования. Историческая память о Холокосте имеет отношение к подавляющему большинству ныне живущих, родившихся после Холокоста.

Как замечает Р. Д. Кинг, память — это средство, согласующее отношения между событием и его реконструкцией⁵. Устные истории, или нарративы, всегда основаны на двойном процессе воспоминания и презентации. Память — это длительный процесс ретрансляции, так как невозможно восстановить прошлое таким, каким оно было в действительности. Природа этих сложных отношений между прошлым и будущим, а также значимости памяти — вопрос сложный и спорный, находящийся в сфере внимания как психоаналитиков и социальных

психологов, так и историков и исторических географов. Психологи уделяют много внимания исследованию роли забывания, фантазий и ложных воспоминаний в идентичности. Дальнейшие исследования основываются на идее, что память, оперируя в настоящем времени, использует знания о событиях и их интерпретации, неизвестные во времена тех событий. Р. Д. Кинг считает, что «это уничтожает нашу надежду восстановить прошлое таким, каким оно было, и без проблем объединить наши прошлые и теперешние я», и, добавляет она, «убеждение, что память может дать нам прямой доступ к сохраненному или похороненному прошлому, остается непоколебимым в нашей культуре»⁶.

Коллективную память можно рассматривать как выражение выбора нации знать или не знать, помнить или забыть то или иное событие⁷.

Человеческие воспоминания — в основном социальные воспоминания⁸. То, что мы помним, — в меньшей степени продукт нашего личного опыта и в большей — нашей встроенности в социальные группы (семья, нация, этнос и др.). Хальбвакс говорит об социальных рамках автобиографических воспоминаний⁹, а Зерубавель — о социально-биографических воспоминаниях¹⁰. Несмотря на то, что цель основной массы исследований — история наций¹¹ или мировая история¹², в данной статье мы сфокусируемся на памяти определенных мест: города, района, улицы, дома. Несомненно, история места зависима от истории более крупных единиц, например наций, государств, мира. Тем не менее у мест есть своя собственная идентичность, независимая для каждой группы жителей. Разные люди, разные этнические или религиозные группы, которые живут или жили на одном месте, вносят свой вклад в существование места. Таким образом, становится возможным говорить об идентичности места и памяти места как феномене, отличном от идентичности и памяти национальной, этнической или любой другой.

Разные исследователи находят следы памяти о Холокосте в современной мировой политике¹³. Недавние исследования на Ближнем Востоке показали, что разные взгляды на историю региона могут вызвать политическое насилие и помешать разрешению конфликтов¹⁴. Воспроизведение коллективных воспоминаний очень важно и в то же время очень чувствительно к несогласию в обществе. Общее понимание прошлого дает членам общества ощущение осмысленности настоящего и предсказуемости будущего. Устойчивость коллективной памяти, в свою очередь, зависит от процесса передачи информации от одного поколения к другому. Драматические события могут прервать передачу исторических нарративов и мифов от родителей к детям.

В настоящее время Латвийское государство пытается построить, в соответствии с европейскими тенденциями, общее пространство исторической памяти для всех жителей страны, интегрируя таким образом все части населения. К сожалению, у нас существует недостаточно полноценных исследований коллективной памяти и характеристик, на нее влияющих.

Накануне войны евреи Латвии составляли довольно значимую часть ее населения (около 93 500 человек по переписи 1935 г.¹⁵). Евреи жили во всех регионах Латвии, были интегрированы в социальную, экономическую и политическую жизнь страны. Поэтому тем или иным образом Холокост затронул практически каждого жителя Латвии: самих евреев, их нееврейских соседей или коллег, коллаборационистов, спасителей, тех, кто оказывал евреям разовую помощь, тех, кто воспользовался ситуацией и завладел еврейским имуществом, и т. д.

Холокост стал, таким образом, значимой культурной травмой для населения Латвии.

В фокусе нашего исследования — коллективная память и представления об историческом прошлом у жителей районов со сложной историей: Московского форштадта (ныне Латгальское предместье) в Риге, когда-то района русского купечества и промышленников, а в годы Второй мировой войны — еврейского гетто, и района Межциемс (Погулянка) в Даугавпилсе, где в 1941—1942 гг. было расстреляно еврейское население города.

Кроме того, нашими коллегами из Варшавского университета Адрианом Вуйциком (*Adrian Wójcik*), Михалом Билевичем (*Michał Bilewicz*) и Марией Левицкой (*Maria Lewicka*) было проведено идентичное исследование жителей района Муранов в Варшаве, где до войны проживала основная масса еврейского населения польской столицы, а в годы Второй мировой войны находилось еврейское гетто и эпицентр восстания в Варшавском гетто в 1943 г.

Данные нашего исследования были получены в два этапа. На первом этапе проводилось исследование содержания коллективной памяти о Холокосте у жителей Латвии. На втором этапе была исследована связь особенностей урбанистической среды с содержанием коллективной памяти о Холокосте, а также проведен сравнительный анализ полученных данных с данными исследования жителей варшавского района Муранов. Все опросы проводились специально обученными интервьюерами лично в условиях полной конфиденциальности и информированности респондентов.

На эмпирическом этапе исследования был разработан специальный вопросник. Анкета содержала закрытые и открытые вопросы, исследующие следующие темы:

1) демографические характеристики (возраст и пол) респондента, продолжительность жизни в районе и в городе, наличие корней (родителей и прародителей, проживавших в районе);

2) отношение к собственному району проживания, особенно значение района для его обитателей, географическая идентичность, привязанность к району, планы и активность, связанная с местом проживания;

3) отношение к историческому прошлому района и города;

4) знания о Холокосте и еврейской истории, представленность в социальной памяти.

Исследование проводилось на дому у респондентов. Респонденты были проинформированы о целях и задачах исследования.

В исследовании принимали участие 49 жителей Московского форштадта Риги, где в годы Второй мировой войны находилось еврейское гетто, 30 жителей района Межциемс (Погулянка) г. Даугавпилса, где проводились массовые расстрелы еврейского населения в годы нацистской оккупации, и 74 жителя рижского района Пурвциемс, где отсутствует опыт исторических событий. Средний возраст участников — 42,5 года; 86 женщин, 67 мужчин.

Респондентам были заданы вопросы об их месте рождения и месте рождения их родителей и прародителей. Формирование групповой памяти в большой степени зависит от того, пережили ли члены группы данное событие непосредственно. Социальные психологи подчеркивают роль семьи в передаче исторических представлений между поколениями и в формировании коллективной памяти¹⁶. Эта функция особенно важна при тоталитарных режимах, так как она способна уравновесить официальную версию истории, продвигаемую государством.

подавляющее большинство респондентов проживает в своем районе более 11 лет — 61,2 % респондентов из Московского форштадта, 66,2 % респондентов из Пурвциемса и 86,7 % — из Погулянки. Это объясняется сравнительно высоким возрастом респондентов, но также может являться фактором, влияющим на отношение к району.

Другая важная характеристика респондентов — наличие родителей и прародителей, живших в районе, — иными словами, насколько коренными жителями района являются наши опрашиваемые. Более чем у половины респондентов прародители и родители жили в районе их теперешнего проживания.

Восприятие характеристик урбанистических сред обитания их жителями

В первую очередь мы задали себе вопрос, воспринимают ли жители трех районов характеристики своих мест обитания, связанные с историческим прошлым. Для этого мы выделили шесть критериев отличий мест с историческим прошлым от остальных:

- улицы с историческими названиями;
- памятники,
- старые дома;
- постройки различных религиозных конфессий (церкви, кладбища),
- исторические личности, проживавшие в районе;
- события, происходившие там.

Вопросник содержал группу вопросов о том, замечают ли жители вышеупомянутые объекты.

По нашему предположению и объективному взгляду, Московский форштадт по всем этим критериям должен оцениваться выше, чем два остальных района, а наименьшие оценки должен был получить район новостроек Пурвциемс. Мы предполагали, что, чем более выражены эти характеристики районов в сознании их жителей, тем сильнее влияние, оказываемое местами обитания.

Для проверки различий выраженности характеристик, связанных с историческими объектами в трех исследуемых районах, используется критерий Кроскала—Уоллиса.

Результаты оказались следующими. Существуют статистически значимые различия в оценках всех характеристик, связанных с историческими объектами в трех исследуемых районах, так как уровень значимости χ^2 -критерия $p < 0,01$. Как и предполагалось, жители форштадта по всем шести критериям оценивают свой район выше, чем жители Пурвциемса и Даугавпилса (см. рис. 1).

Такие критерии, как «связанные с историей названия улиц» (средний ранг 55,8 и 54 соответственно), «наличие старых домов» (57,1 и 53,58), «наличие памятников, связанных с историческими событиями» (55,60 и 56,48) жители Пурвциемса и Даугавпилса оценивают почти одинаково. В то же время жители Московского форштадта оценивают свой район по этим трем критериям значительно выше (средний ранг 123,1, 121,39 и 121,88 соответственно).

По критерию «проживавшие исторические личности» жители Погулянки (средний ранг 78,85) оценивают свое место проживания между оценками жителей форштадта (108,74) и Пурвциемса (55,23). Это связано с тем, что на территории Погулянки до 90-х гг. XX в. находился санаторий, основанный в конце

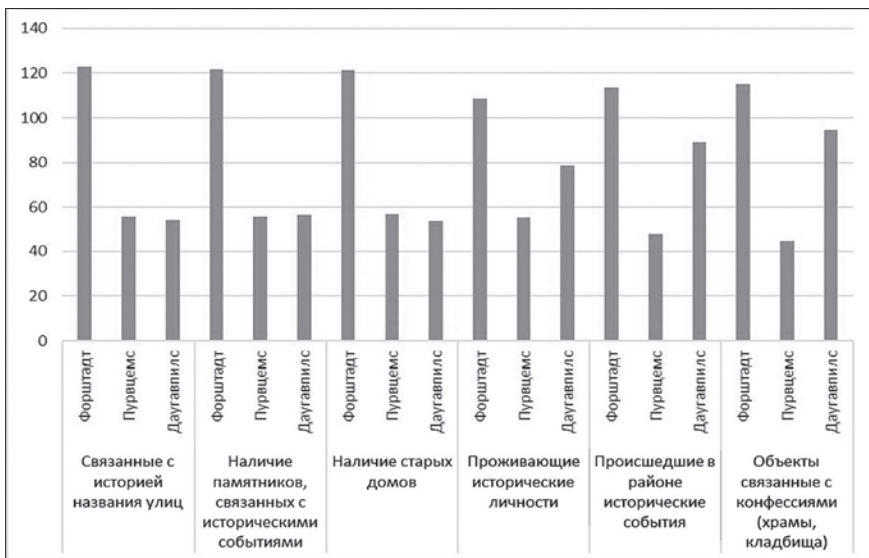

Рис. 1. Выраженность характеристик, связанных с историческими объектами в трех исследуемых урбанистических средах

XIX в. графом Плятером-Зиббергом, который и положил начало поселку. Несмотря на полное отсутствие мнемонических средств, граф Плятер-Зибберг — известная в Даугавпилсе историческая фигура, он упоминается в 80 % ответов респондентов.

По критериям «происшедшие в районе исторические события» и «объекты, связанные с конфессиями (храмы, кладбища)» жители Погулянки (89,12 и 94,37) и форштадта (113,35 и 115,11) дают сходные оценки, более высокие, чем жители Пурвциемса (48,02 и 44,72). Тем самым мы можем сказать, что жители Погулянки мемориал погибшим евреям воспринимают не как памятник историческим событиям, а как кладбище, что, безусловно, отражает более человеческое и внимательное отношение к этому объекту — мы уже цитировали Р. Коннертона: «Нет ничего более невидимого, чем мемориал». Также мы можем сделать вывод, что историческое событие Холокост (а других в Погулянке не происходило) представлено в сознании ее жителей.

Таким образом, мы видим, что выбор районов проживания был сделан нами правильно: по всем критериям Московский форштадт г. Риги более насыщен историческим содержанием и поэтому соответствует нашим требованиям к месту. Район Погулянка по одним критериям ближе к форштадту, т. е. к максимуму исторической насыщенности, а по другим — к Пурвциемсу, т. е. к минимуму этой насыщенности, иными словами, находится между полным историческим смыслов форштадтом и районом новостроек Пурвциемсом.

Далее нас интересовал вопрос, какие демографические характеристики влияют на оценку характеристик урбанистических сред. Мы выделили три ключевых фактора: продолжительность жизни в районе, наличие корней в районе, возраст респондентов.

Чтобы проверить, влияют ли эти факторы на оценку характеристик, связанных с историческими объектами по всей выборке ($n=153$), использовался критерий Кроскала—Уоллиса и коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Такой фактор, как «продолжительность жизни в районе» и «наличие корней в районе», не влияет на оценку характеристик, связанных с историческими объектами по всей выборке ($n=153$), так как уровень статистической значимости критерия $\chi^2 p > 0,05$ для всех оценок.

Мы также можем отметить, что фактор «наличие корней (родителей и прародителей) в районе проживания» не влияет на оценку характеристик, связанных с историческими объектами по всей выборке ($n=153$), так как уровень статистической значимости $\chi^2 p > 0,05$ для всех оценок.

В то же время нет значимых коэффициентов корреляции между перечисленными факторами и оценками характеристик, связанных с историческими объектами.

Следовательно, наше предположение о том, что чем более укоренен респондент в районе, чем больше срок его жизни там в рамках семьи, тем более внимателен он к объектам места своей жизни и тем значительнее они для него, не подтвердилось. Тем не менее стоит отметить, что, как уже говорилось в описании выборки, подавляющее большинство наших респондентов имеет в районах проживания семейные корни и проживает там более 11 лет (см. рис. 2, 3).

Возраст респондентов влияет на оценку характеристик, связанных с историческими объектами по всей выборке ($n=153$), так как уровень статистической значимости $p < 0,05$ критерия χ^2 для оценок характеристики «связанные с историей названия улиц».

В то же время возраст респондентов связан с оценками таких характеристик, как «связанные с историей названия улиц» ($r=-0,24$), «наличие памятников, связанных с историческими событиями» ($r=-0,179$), «наличие старых домов» ($r=-0,168$). Причем чем моложе респонденты, тем более высокие оценки они ставят.

По всей видимости, это вызвано тем, что молодые люди активнее принимают участие в жизни урбанистической среды своего обитания, больше интересуются

Рис. 2. Влияние фактора «продолжительность жизни в районе» на оценку характеристик урбанистической среды, связанных с историческими объектами

Рис. 3. Влияние фактора «наличие корней в районе» на оценку характеристик урбанистической среды, связанных с историческими объектами

историей и общественной жизнью, наконец, их знания об истории более свежи, так как они недавно окончили среднюю школу. Мы наблюдаем здесь эффект угасания, связанный с возрастом респондентов (см. рис. 4).

Для определения, какие оценки характеристик, связанных с историческими объектами, будут отличать представителей разных районов друг от друга, был использован метод дискриминантного анализа. Этот метод позволяет определить решающие правила, позволяющие по значениям дискриминантных переменных отнести каждый объект к одному из известных классов.

В нашем случае в качестве дискриминантных переменных выступали оценки характеристик, связанных с историческими объектами. В качестве независимой переменной выступала принадлежность респондента к одному из районов проживания.

На основе дискриминантного анализа мы выясняли, по оценкам каких характеристик, связанных с историческими объектами, представители районов (форштадт, Пурвциемс и Погулянка) отличаются друг от друга. Пошаговый анализ для каждой переменной показывает, что оценки всех шести характеристик, связанных с историческими объектами, будут отличать представителей разных районов друг от друга.

В результате дискриминантного анализа выделяются две канонические функции, определяющие различия в оценке восприятия своего района.

Первая каноническая функция предсказывает 81,7 % различий между группами, и в ее основе лежат следующие характеристики: связанные с историей названия улиц ($r=0,782$), наличие памятников, связанных с историческими событиями ($r=0,666$), наличие старых домов ($r=0,62$), проживавшие исторические личности ($r=0,429$).

Вторая каноническая функция предсказывает 18,3 % различий между группами, и в ее основе лежат характеристики: объекты, связанные с конфессиями (храмы, кладбища) ($r=0,638$), происшедшие в районе исторические события ($r=0,463$).

Первая каноническая функция описывает отличие оценок своего района представителями района форштадт от оценок своего района представителями районов Пурвциемс и Погулянка.

Рис. 4. Влияние фактора «возраст респондентов» на оценку характеристик урбанистической среды, связанных с историческими объектами

Вторая каноническая функция описывает отличие оценок своего района представителями района Погулянка от оценок своего района представителями районов Пурвциемс и форштадт.

Центроид канонических функций для оценок характеристик, связанных с историческими объектами, представителей района Пурвциемс расположен на отрицательном полюсе $(-1,498; -0,656)$. Следовательно, жители оценивают свой район ниже, чем представители других районов по всем характеристикам, связанным с историческими объектами.

Центроид канонических функций для оценок характеристик, связанных с историческими объектами, представителей района форштадт расположен в пространстве канонических функций $(2,862; -0,132)$. Следовательно, жители Московского форштадта оценивают свой район выше, чем представители других районов по таким характеристикам, связанным с историческими объектами, как «связанные с историей названия улиц», «наличие памятников, связанных с историческими событиями», «наличие старых домов». В тоже время представители района форштадт оценивают свой район ниже, чем представители района Погулянка, по таким характеристикам, связанным с историческими объектами, как «объекты, связанные с конфессиями (храмы, кладбища)», «происшедшие в районе исторические события».

Центроид канонических функций для оценок характеристик, связанных с историческими объектами, представителей района Погулянка расположен в пространстве канонических функций $(-0,985; 1,833)$. Следовательно, жители этого района оценивают свой ареал обитания выше, чем представители других районов, по таким характеристикам, связанным с историческими объектами, как «объекты, связанные с конфессиями (храмы, кладбища)», «происшедшие в районе исторические события». В тоже время представители района Погулянка оценивают свой район ниже, чем представители района форштадт, по таким харак-

теристикам, связанным с историческими объектами, как «связанные с историей названия улиц», «наличие памятников, связанных с историческими событиями» и «наличие старых домов».

Влияние характеристик урбанистических сред на отношение к ним их жителей

Мы выделили десять факторов, или характеристик, подверженных влиянию места жительства и его исторического прошлого: привязанность к району, планы на будущее, связанные с районом проживания, желание активно участвовать в жизни района, интерес к истории района, интерес к истории вообще, представленность Холокоста в представлениях об истории, наличие межэтнических связей в семье респондентов, поляризованность мнений об истории, представленность евреев в представлениях об истории, выраженность географической идентичности.

Для определения, какие характеристики сознания отличают представителей разных районов друг от друга, был использован метод дискриминантного анализа. Этот метод позволяет определить решающие правила, позволяющие по значениям дискриминантных переменных отнести каждый объект к одному из известных классов. В нашем случае в качестве дискриминантных переменных выступали оценки характеристик сознания. В качестве независимой переменной выступала принадлежность респондента к одному из районов проживания.

Пошаговый анализ для каждой переменной показывает, что представители разных районов друг от друга отличаются по таким характеристикам сознания, как «привязанность к району», «планы на будущее, связанные с районом», «активное участие в жизни района», «интерес к истории района», «интерес к истории вообще», «наличие евреев в представлениях об истории», «выраженность географической идентичности».

В результате дискриминантного анализа выделяются две канонические функции, определяющие различия в выраженности изучаемых характеристик сознания у представителей изучаемых районов.

Первая каноническая функция предсказывает 89,7 % различий между группами, и в ее основе лежат характеристики сознания: «привязанность к району» ($r=0,713$), «выраженность географической идентичности» ($r=0,625$), «интерес к истории района» ($r=0,569$), «активное участие в жизни района» ($r=0,347$), «наличие евреев в представлениях об истории» ($r=0,346$), «интерес к истории вообще» ($r=0,332$). Наличие межэтнических связей не включается в анализ, так как на предыдущем этапе было показано, что по этой характеристике нет статистически значимых различий между изучаемыми группами.

Вторая каноническая функция предсказывает 10,3 % различий между группами, и в ее основе лежат характеристики: «планы на будущее, связанные с районом» ($r=0,534$), «поляризованность мнений о межэтнических отношениях» ($r=-0,31$), «наличие Холокоста в представлениях об истории» ($r=0,124$).

Первая каноническая функция описывает отличие оценок характеристик сознания у представителей всех трех районов — форштадт, Пурвциемс и Погулянка.

Вторая каноническая функция описывает отличие оценок характеристик сознания у представителей района форштадт от оценок представителей района Погулянка и Пурвциемс. Как видно на графике, эти различия выражены менее, чем в первой функции.

Центроид канонических функций для оценок характеристик сознания представителей района Пурвциемс расположен на отрицательном полюсе (-0,830; -0,128) пространства канонических функций. То есть они оценивают такие характеристики сознания, как «привязанность к району», «выраженность географической идентичности», «интерес к истории района», «активное участие в жизни района», «наличие евреев в представлениях об истории», «интерес к истории вообще» ниже, чем представители других районов. Представители района Пурвциемс оценивают характеристики «планы на будущее, связанные с районом», «наличие Холокоста в представлениях об истории» выше, чем представители района Погулянка, но ниже, чем представители района форштадт.

Представители района Пурвциемс по характеристике «поляризованность мнений о межэтнических отношениях» находятся ниже, чем представители района Погулянка, но выше, чем представители района форштадт.

Центроид канонических функций для оценок характеристик сознания представителей района форштадт расположен на положительном полюсе (0,379; 0,417) пространства канонических функций, т. е. они оценивают такие характеристики сознания, как «привязанность к району», «выраженность географической идентичности», «интерес к истории района», «активное участие в жизни района», «наличие евреев в представлениях об истории», «интерес к истории вообще», выше, чем представители района Пурвциемс, но ниже, чем представители района Погулянка. Представители района форштадт оценивают «планы на будущее, связанные с районом», «наличие Холокоста в представлениях об истории» выше, чем представители других исследуемых районов. Представители района форштадт оценивают «поляризованность мнений о межэтнических отношениях» ниже, чем представители других исследуемых районов.

Центроид канонических функций для оценок характеристик сознания представителей района Погулянка расположен в пространстве канонических функций (1,427; -0,365), т. е. они оценивают такие характеристики сознания, как «привязанность к району», «выраженность географической идентичности», «интерес к истории района», «активное участие в жизни района», «наличие евреев в представлениях об истории», «интерес к истории вообще», выше, чем представители других исследуемых районов. Представители района Погулянка оценивают «планы на будущее, связанные с районом», «наличие Холокоста в представлениях об истории» ниже, чем представители других исследуемых районов. Представители района Погулянка оценивают «поляризованность мнений о межэтнических отношениях» выше, чем представители других исследуемых районов.

Теперь рассмотрим характеристики, связанные с отношением к месту своего жительства. По всем четырем характеристикам респонденты демонстрируют выраженные различия: привязанность к району ($p=0,000$), планы на будущее, связанные с районом ($p=0,002$), желание активно участвовать в его жизни ($p=0,001$), выраженность географической идентичности ($p=0,000$).

Все четыре критерия у жителей района Пурвциемс выражены слабее, чем у жителей районов с историческим прошлым. Привязанность к району и географическая идентичность наиболее выражена у жителей Погулянки, они же готовы активно участвовать в жизни своего района. Планы на будущее со своим местом жительства более активно связывают жители форштадта (средний ранг 90,39), но показатели жителей Погулянки незначительно ниже (средний ранг 84,28).

Таким образом, мы можем заключить, что историческое прошлое действительно вызывает большую привязанность к месту жительства, но это не вызвано наличием городских «напоминателей» — старых улиц, домов и мемориальных табличек.

Влияние характеристик урбанистических сред на коллективную память о Холокосте у их жителей

Следующая группа характеристик касается межэтнических отношений у респондентов, так как мы предполагали, что проживание в районах с выраженной полиэтнической историей может стимулировать широту взглядов, интерес к представителям других национальностей и наличие различных межэтнических контактов. Мы анализировали различия по трем характеристикам: «наличие межэтнических связей», «поляризованность мнений о межэтнических отношениях», «представленность евреев в представлениях об истории».

По первым двум характеристикам нами не было выделено статистически значимых различий ($p=0,197$ и $p=0,343$ соответственно). Жители всех трех районов имеют сравнительно мало контактов с представителями других национальностей — как сами, так и в пределах родительской и прародительской семьи. Они также не имеют ярко выраженной националистической позиции по поводу исторических событий. Иными словами, можно утверждать, что межэтнические вопросы не являются для них жизнеобразующими.

Статистически значимые различия были обнаружены по характеристике «наличие евреев в представлениях об истории» ($p=0,002$). Выраженность этой характеристики у жителей Погулянки наиболее высока (средний ранг 98,47) по сравнению с жителями форштадта (средний ранг 76,82) и особенно Пурвциемса (средний ранг 68,42). Мы предполагаем, что такое различие вызвано, в первую очередь, сложной еврейской историей Даугавпилса. Евреи жили в Даугавпилсе (тогда Динабург, впоследствии Двинск) с XVII в., во второй половине XVIII в. была образована община. Евреи составляли значительный процент населения города. Так, в 1772 г. в городе проживали 136 евреев (31,3 % населения), в 1787 г. — 783 еврея, в 1815 г. — 1559 евреев (57 % жителей). В 1847 г. в городе жили 2918 евреев, а в 1921 г. в Даугавпилсе насчитывалось 11 838 евреев (40 % населения); в 1935 г. — 11 106 евреев (25 %) ¹⁷.

Следующим объектом нашего интереса являются характеристики, описывающие интерес к истории, так как мы предполагаем, что проживание в районах с богатым историческим прошлым стимулирует интерес к этому прошлому, а также к истории вообще. Сравним данные по характеристикам «интерес к истории района», «интерес к истории вообще» и «представленность Холокоста в представлениях об истории» (см. рис. 1), можно утверждать, что жители районов форштадт и Погулянка демонстрируют значительно более высокий интерес к истории, чем жители района Пурвциемс, причем как к истории своего района ($p=0,000$), так и к истории вообще ($p=0,000$).

В то же время по критерию «представленность Холокоста в представлениях об истории» значимых отличий не обнаружено ($p=0,625$), Холокост достаточно слабо интересует наших респондентов из всех трех районов, и это противоречит их интересу к истории района, где Холокост играл значительную роль, а также к истории вообще, где Холокост также является важным событием в рамках XX в.

Сравнительный анализ связи особенностей урбанистических сред и коллективной памяти о Холокосте у жителей Латвии и Польши

Обращаясь к данным исследования жителей варшавского района Муранов, проведенного польскими коллегами¹⁸, длительностью проживания в Муранове можно частично объяснять более сильную привязанность жителей к этому району. Для сравнения: средняя продолжительность проживания в окрестностях (вокруг дома) в городах с населением более 200 тыс. человек в Польше — 22,14 лет и в среднем 32,43 лет в городах. В Познани средняя продолжительность проживания в городе составила 35 лет. В Муранове аналогичные показатели составили 26,69 (район) и 40,30 (город)¹⁹.

Так же как и в других проведенных исследованиях, привязанность к ближайшим окрестностям и району (Муранов) не связана с уровнем образования респондента, так же как и с его возрастом ($r(89)=-0,24$, $p<0,05$ и $r(87)=-0,30$, $p<0,01$).

Итак, можно утверждать, что историческое прошлое урбанистической среды оказывает влияние на географическую идентичность и привязанность к месту.

Когда речь идет о рейтинге общего прошлого поляков и евреев, ответы респондентов значительно асимметричны. С одной стороны, они убеждены, что евреи получили в прошлом от поляков больше пользы, чем вреда (так думают 61,7 % населения Муранова; 16 % считают, что евреи получили от поляков значительно больше пользы, чем вреда, а 45,7 % сказали, что евреи получили незначительно больше хорошего, чем плохого). С другой стороны, поляки, по словам жителей Муранова, получили от евреев столько же плохого, сколько и хорошего (в середине шкалы своих взглядов находилось 39,4 % респондентов; 19,1 % считают, что скорее больше плохого, и 24,5 % — что больше хорошего).

Для польских жителей Муранова еврейская тема, видимо, не является очень близкой — большинство респондентов (53,2 %) говорят, что, скорее, не имеют среди своих близких друзей ни одного еврея, далее, 20,2 % сказали, что не хотели бы иметь друзей евреев, и только 17 % всех опрошенных сказали, что имеют знакомых евреев.

Таким образом, как на примере латвийских респондентов, так и жителей варшавского Муранова мы видим, что проживание в районах со сложным полиэтническим прошлым не стимулирует широту взглядов и полиэтнических связей жителей.

Сравнение данных латвийского исследования с данными коллег из Варшавского университета показывает следующее. История Муранова является одним из наиболее важных факторов идентичности его жителей — фактор, на котором они строят свою принадлежность к району.

Но какие же именно элементы оказывают влияние на восприятие истории жителями Муранова?

На первом месте среди упоминаний идет (упомянули 84,4 % опрошенных) Варшавское восстание. На следующих местах с очень большим отрывом идут Вторая мировая война (21,9 % ответов) и восстание в Варшавском гетто (18,7 % ответов). Обращает на себя внимание множество военных событий — от 5 до 7 из упомянутых событий было связано с военными действиями либо с конфликтами. Подавляющее большинство упомянутых исторических событий относятся к 1939—1945 гг., т. е. к периоду Второй мировой войны, но не к Холокосту.

Что касается исторических событий, которые респонденты считают наиболее важными для своего района, то первое место занимает восстание в Варшавском гетто (62,5 % респондентов), за которым следует период Второй мировой войны (14,6%), само существование гетто (11,4 %) и восстановление Муранова (11,4 %). Другие ответы получили оценки ниже 10 %. Следует отметить несоответствие между количеством указаний восстания в гетто как одного из самых важных событий в истории Варшавы и в истории Муранова — 21,9 % и 62,5 % соответственно. Это указывает на то, что восприятие восстания в гетто является более важным для истории Муранова, чем в целом для истории Варшавы.

Как полагают коллеги, это специфическая черта варшавской исторической памяти, которая прежде всего концентрируется на событиях Варшавского восстания, а затем и на Второй мировой войне.

Таким образом, жители Муранова существенно не отличаются от других жителей Варшавы и в основном выбрали исторические события, связанные с периодом Второй мировой войны, особенно с Варшавским восстанием. Они воспринимают историю своего района как неразрывно связанную с историей еврейского народа, особенно с историей восстания в гетто. Также они воспринимают как значимых для истории своего района исторических деятелей еврейского происхождения. В значительной мере это связано с влиянием архитектурного фактора — названием улиц Муранова и памятников, находящихся в непосредственной близости, таких как памятник Сопротивлению, бункер Анелевича²⁰.

Итак, существуют различия между жителями Московского форштадта и Погулянки, где Холокост не представлен в исторической памяти жителей, и Муранова, где события Холокоста занимают значительное место. Можно предположить, что причина лежит в активной мемориализации в Варшаве, отсутствующей в Риге и Даугавпилсе²¹.

Как уже говорилось, в Муранове есть ряд улиц, названных в честь героев восстания в гетто (Мордехай Анелевич, Юзеф Левартовский, Шмуэль Зигельбойм) и еврейской истории, например Людвиг Заменгоф и Януш Корчак, существует мемориальный бункер руководителя восстания Мордехая Анелевича, и, наконец, в 2013 г. после длительного периода подготовки там был открыт крупнейший в Европе еврейский музей, проводящий различные просветительные мероприятия и активно действующий в ареале своего нахождения — в частности, цитируемое нами исследование исторической памяти в районе Муранов было инициировано этим музеем еще до его открытия, чтобы адекватно вписаться в городскую и районную среду. Множество как иностранных, так и польских групп проходят с экскурсионными турами по району Муранов, проводятся официальные и неофициальные мероприятия и художественные акции. Вопреки мнению Р. Коннертона о невидимости мемориалов, авторы исследования жителей Муранова уверяют, что появление улиц с именами героев еврейской истории Варшавы, созданием мемориального бункера героев восстания в гетто и памятника борцам гетто, а также создание музея еврейской истории Польши не только меняют ландшафт и хронику развития района, но и влияют на формирование коллективной памяти жителей района Муранов, подчеркивая роль евреев в истории Польши²².

В свою очередь в Московском форштадте и в Погулянке не проводятся активные мероприятия, за исключением, возможно, разовых официальных акций в дни памяти Холокоста; память жертв не увековечена ничем, кроме официальных же мемориалов, «невидимых» для жителей (см. выше о восприятии района жите-

лями). Тем не менее потенциал для городских и государственных властей высок и почва подготовлена, так как интерес к прошлому и к истории у жителей высок.

З а к л ю ч е н и е

Эмпирическое исследование было нацелено на подтверждение наличия связи между особенностями характеристик урбанистических сред и коллективной памяти у жителей на примере мест, связанных с Холокостом. В результате было проведено исследование представлений о Холокосте в разных этнических группах Латвии, а также исследование коллективной памяти жителей трех районов Латвии с разным историческим опытом и сравнение полученных данных с результатами аналогичного исследования в районе Муранов, где находилось Варшавского гетто.

Результаты исследования подтвердили эту связь как в аспекте отношения жителей к среде своего обитания, так и их самоидентификации. Агентами подобного отношения к месту жительства являются не официальные объекты городской среды, такие как памятники, мемориальные таблички и мемориалы, а сама урбанистическая среда, старые постройки, улицы, бульжные мостовые и важные исторические персонажи, проживавшие в этом районе, такие как граф Плятер-Зибберг в Погулянке в Даугавпилсе.

Сравнивая результаты нашего исследования с результатами исследователей из Варшавского университета²³, можно утверждать, что влияние исторически насыщенной среды, а также официальных публичных «напоминателей» недостаточно, чтобы сформировать коллективную память о ключевом историческом событии в этой среде, в нашем случае — о Холокосте. Необходимы активные действия со стороны государственных и негосударственных структур, при этом действия масштабные и неформализованные, а также интерес определенных групп общества к этой теме. Для реализации этих действий почва подготовлена — жители исследуемых нами районов проявляют большой интерес и привязанность как к истории, так и к среде своего обитания.

Итак, теоретико-эмпирический анализ приводит к следующим выводам. Коллективная память о Холокосте у жителей Латвии имеет трехкомпонентную структуру: когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Ядро составляют общие когнитивные единицы, не имеющие выраженной эмоциональной окраски. Эмоциональный компонент имеет негативную сострадательную направленность. Можно говорить о низкой осведомленности, об отсутствии развернутого понятия «Холокост» в коллективной памяти жителей Латвии.

Историческое прошлое урбанистической среды формирует у ее жителей большую привязанность, стимулирует их к активному участию в ее жизни. Также у жителей районов с насыщенным историческим прошлым более выражена географическая идентичность, связанная с районом. Такое влияние вызвано не городскими «напоминателями» в урбанистической среде, а знаниями жителей о прошлом как таковом.

Насыщенность среды историческими событиями стимулирует интерес к истории как района, так и города вообще. Тем не менее ключевое событие в истории районов — Холокост — так же не представлено в коллективной памяти у жителей этих районов, как и у жителей остальной части Латвии. Результаты исследования жителей варшавского района Муранов подтверждают большее присутствие Холокоста в их памяти, что мы связываем с более активным и разнообразным процессом мемориализации Холокоста в Польше.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Cultural trauma and collective identity / Ed. J. C. Alexander, R. Eyerman, B. Giesen, N. J. Smelser, P. Sztompka Berkeley (Ca.), 2004. P. 34—67; *Becoming national: A reader* / Ed. G. Eley, R. G. Suny. N. Y., 1996. P. 98; *Jedlicki J.* Historical memory as a source of conflicts in Eastern Europe // *Communist and Post-Communist Studies*. 1999. N 32 (3). P. 225—232; *Rorlich. A.-A.* History, collective memory, and identity: the Tatars of sovereign Tatarstan // *Communist and Post-Communist Studies*. 1999. N 32 (4). P. 379—396; *Spillman L. P.* Nation and commemoration: Creating national identities in the United States and Australia. N. Y., 1997. P. 231—254.
- ² *Hoetink H.* Slavery and the race relations in the Americas: Comparative notes on their nature and nexus. N. Y., 1973. P. 145—154; *Woessner M., Kelly-Woessner A.* Slavery reparations and race relations in America: Assessing how the restitutions debate influences public support for Blacks, civil rights, and affirmative action // *Politics & Policy*. 2006. Vol. 34, Iss. 1. P. 134—154.
- ³ Progress in Asian social psychology: Casting the individual in societal and cultural contexts / Ed. Liu J. H., Ward C., Bernardo A., Karasawa M., Fischer R. Seoul, 2007. Vol. 6. P. 87—97.
- ⁴ *Halbwachs M.* On collective memory. Chicago, 1992. P. 87.
- ⁵ Joachim J., King R. D. Institutionalizing collective memories of hate: Law and law enforcement in Germany and the United States // *American J. of Sociology*. 2005. N 111. P. 579—616.
- ⁶ *Ibid.*
- ⁷ *Wagner-Pacifici R.* Memories in the making: The shapes of things that went // *Qualitative Sociology*. 1996. Vol. 19. No 3. P. 307.
- ⁸ *Páez D., Basabe N., González J. L.* Social processes and collective memory: A cross-cultural approach to remembering political events // *Collective Memory of Political Events: Social psychological perspectives* / Ed. J. W. Pennebaker, D. Páez, B. Rimé. [S. l.], 1997. P. 234—278.
- ⁹ *Halbwachs M.* Op. cit.
- ¹⁰ *Zerubavel E.* Time maps: Collective memory and the social shape of the past. Chicago, 2003. P. 145—167.
- ¹¹ *Connerton P.* How societies remember. Cambridge (Ma.), 1989. P. 98—109; *Conway S.* The reproduction of exclusion and disadvantage: Symbolic violence and social class inequalities in “parental choice” of secondary education // *Sociological Research Online*. 1997. Vol. 2. P. 76—87; *Devine-Wright P., Lyons E.* Remembering pasts and representing places: The construction of national identities in Ireland // *J. of Environmental Psychology*. 1997. N 17. P. 33—45; *Liu J. H., Hilton V.* How the past weighs on the present: Social representations of history and their role in identity politics // *British J. of Social Psychology*. 2005. N 44. P. 37—556; *Zerubavel E.* Op. cit.
- ¹² Progress in Asian social psychology.
- ¹³ *Maier C. S.* The unmasterable past: History, Holocaust, and German national identity. Cambridge (Ma.), 1988. P. 176—198; *Schrafstetter S.* Memory, the Cold War, and the Western European victims of Nazism, 1956—1964 // *Holocaust and Genocide Studies*. 2003. N 17 (3). P. 459—479.
- ¹⁴ *Davis E.* Memories of state: Politics, history, and collective identity in modern Iraq. Berkeley (Ca.), 2005. P. 65—98; *Telhami S., Barnett M.* Identity and foreign policy in the Middle East. Ithaca (N. Y.), 2002. P. 111—134.
- ¹⁵ *Dribins L.* Ebreji Latvijā. 2., papild., izd. R., 2002.
- ¹⁶ *Hirsch M.* Projected memory: Holocaust photographs in personal and public fantasy // *Acts of memory* / Ed. M. Bal, J. Crewe, L. Spitzer. Hanover, 1999. P. 89—101.
- ¹⁷ Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1988. Т. 2. Стб. 286—287.
- ¹⁸ *Wójcik A., Bilewicz M., Lewicka M.* Living on the ashes: Collective representations of Polish-Jewish history among people living in the former Warsaw Ghetto area // *Cities*. 2010. No 27. P. 195—203.
- ¹⁹ *Ibid.*
- ²⁰ *Ibid.*
- ²¹ *Feldman J.* Marking the boundaries of the enclave: Defining the Israeli collective through the Poland // *Experience Israel Studies*. 2002. No 7. P. 84—114; *Id.* Above the death pits, beneath the flag: Youth voyages to Poland and the performance of Israeli national identity. Oxford; New York. 2008. P. 23—34; *Gruber R. E.* Virtually Jewish: reinventing Jewish culture in Europe. Berkeley (Ca.), 2002. P. 98.
- ²² *Wójcik et al.* Op. cit.
- ²³ *Ibid.*